

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Лебедь Хантыгая

Легенда.

Содержание

#1	0004
I	0006
II	0012
III	0020

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк**

Лебедь Хантыгая

Впервые напечатана в 1891 году в сборнике «Русские ведомости» в пользу голодающих».

В ЦГАЛИ хранится незаконченный отрывок легенды под названием «Ак-Бозат». Содержание этой рукописи настолько напоминает «Лебедя Хантыгая», что воспринимается как один из его вариантов. Главное действующее лицо здесь тоже хаким, поющий песни и своим искусством оказывающий огромное воздействие на умы и сердца слушателей. «Песни Ак-Бозат, – говорится там, – как воры темной ночью, прокрадывались в самые черствые души, и тот, кто их слушал, точно просыпался, открывая в собственном сердце несметные сокровища. Песни Ак-Бозат заставляли богатых думать о бедных, счастливых о несчастных, сильных о слабых, умных о глупых, и везде, где проносилась такая песня, точно расцветала весна... Старый молодец, несчастный забывал свое горе, больной чувствовал себя здоровым, – вот что делала могучая песня Ак-Бозат. Это было чудо, дар неба, лучшее сокровище...»

Печатается по тексту: Д. Н. Мамин-Сибиряк.

ряк, «Лебедь Хантыгая» издание Вятского товарищества, Спб., 1911 год, в серии «Народная библиотека». Устранены погрешности, обнаруженные в предыдущих изданиях.

— Где хаким [Хаким – ученый, учитель. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)] Бай-Сугды? Где лебедь Хантыгая? – спрашивал Бурун-хан своих придворных. – Отчего мои глаза не видят славу и гордость моего государства? Где он, слеза радости, улыбка утешения, свет совести, – где хаким Бай-Сугды, лебедь Хантыгая?

Мурзы, беки, шейхи, тайши [Тайша – калмыцкий старшина] и князьки, присутствовавшие в палатке Бурун-хана, опустили головы и не смели взглянуть на своего повелителя, точно они все чувствовали себя виноватыми. В сущности, они просто боялись огорчить Бурун-хана печальным известием и вызвать его неудовольствие.

– Отчего вы все молчите? – спрашивал Бурун-хан, грозно сдвигая седые брови. – Отчего никто из вас не хочет сказать правды?.. Впрочем, это смешно – требовать правды от людей, которые хотят заменить мне и мои глаза, и мои уши, и мои руки, чтобы лучше пользоваться моей слепотой, глухотой и бездеятель-

ностью... Один хаким Бай-Сугды говорил мне правду, а я не вижу его.

Еще ниже наклонились старые и молодые головы мурз, беков, тайшей и князьков, и опять никто не посмел проронить ни одного слова. Тогда смело выступила вперед красавица Джет, любимая дочь Бурун-хана, и, преклонив одно колено, сказала:

– Отец мой, прости мне мою смелость, что я решилась сказать тебе то, о чем молчат дру-
гие.

Седые ханские брови распрямились, морщины на ханском лбу исчезли, грозные ханские глаза глянули весело: разве найдется такой человек, который может рассердиться на красавицу Джет?

– Говори, Джет, моя газель.

– Отец, хаким Бай-Сугды уже давно совсем изменился, так что ты его не узнаешь... Он больше уже не складывает своих чудных песен, которые распевает весь Хантыгай. Да... Хаким Бай-Сугды заперся в своей палатке и никуда не выходит. Вот уже полгода, как он заскучал, а его жены проплакали с бои глаза... Кто-то попортил солнце Хантыгая, и оно

скрылось за тучу.

Хан опять нахмурился и велел привести хакима Бай-Сугды, а красавица Джет поместилась за шелковой занавеской. Когда старый хаким, с длинной седой бородой, вошел в палатку, девушка тихо заиграла на золотой арфе и запела самую лучшую песню, какую только когда-нибудь сложил Бай-Сугды:

Алой розой смех твой заперт,
Соловьёиной песни трепет
На груди твоей таится...

Никто в целом Хантыгае не умел петь лучше Джет, и все лица повеселели, а Бурун-хан посмотрел на хакима с улыбкой. Улыбнулись и мурзы, и беки, и шейхи, и тайши, и князьки, как живое зеркало Бурун-хана. Один хаким Бай-Сугды стоял перед ханом, опустив глаза, и на седых ресницах у него повисли слезы.

– Хаким Бай-Сугды, лебедь Хантыгая, что сделалось с тобой? – спросил Бурун-хан. – Никто тебя не видит... Может быть, у тебя есть какое-нибудь горе? Может быть, износилось

твое платье? Может быть, твои стада постигло несчастье? Может быть, наконец, ты недоволен мной?..

Поднял голову хаким Бай-Сутды и сказал:

– Всем я доволен, Бурун-хан, и все у меня есть, даже больше, чем нужно одному человеку... Я, как пылинка в солнечном луче, купаюсь в твоей милости.

– Может быть, похолодело твое сердце, хаким Бай-Сутды, и нужна новая пара газельих глаз, чтобы воскресить в нем молодую радость?..

– О, Бурун-хан, у меня семь жен, семь красавиц, и мне достаточно молодых радостей, – с горькой усмешкой ответил седой хаким.

– Что же тебе нужно, Бай-Сутды? Проси все – и я все сделаю для тебя... Ты выше меня, потому что я сейчас хан, а завтра меня съедят черви, а ты умрешь – после тебя останутся живые чудные песни... Ханов много, а хаким Бай-Сутды – один.

– Бурун-хан, у меня есть к тебе просьба: пусть красавица Джет не поет больше моих песен... И пусть другие девушки их позабудут. Когда птица поет беззаботно, сидя на ветке,

она не предчувствует близкой беды, не видит беды, не видит коршуна, который ее схватит. Моя зима пришла, а мой коршун уже летает над моей головой, и я чувствую, как веют его крылья...

– Неужели ты, мудрейший из людей, испугался смерти?

– Нет, хан, не смерти я боюсь, а того, зачем я жил так долго... Мое сладкое безумство пело песни, а ненасытное сердце искало новых радостей. Но теперь нет больше песен... Давно углубился я в ученые книги, в это море мудрости, и чем дальше углубляюсь в них, тем сильнее чувствую, сколько зла я наделал своими песнями. Я обманывал их сладким голосом и молодых и старых людей, я сулил им никогда не существовавшие радости, я усыплял душу запахом роз, а вся наша жизнь только колеблющаяся тень промелькнувшей в воздухе птицы... Горя, несчастий, нужды и болезней целые моря, а я утешал и себя и других одной каплей сладкой отравы. Мои песни теперь нагоняют на меня тоску. Бурун-хан, чем больше я читаю мудрые книги, тем сильнее вижу собственное безумство... Отпусти

меня, хан! Я пойду в другие государства и найду великих подвижников, которые целую жизнь провели в созерцании и размышлениях; у них истина жизни, которой я хочу научиться. Вот моя вторая просьба...

Задумался Бурун-хан: жаль ему стало певца Бай-Сугды, славу и гордость Хантыгая. Что же останется, когда улетит этот лебедь? Но каким Бай-сугды так сильно изменился, и путешествие будет для него лучшим лекарством.

– Хорошо, каким Бай-Сугды, пусть будет по-твоему, – согласился Бурун-хан. – Иди, куда хочешь, но только возвращайся, а пока ты путешествуешь – в Хантыгае не будут петь твоих песен. Иди, отыщи истину и принеси ее нам...

Ханство Хантыгай было очень большое, но в нем каким Бай-Сугды не знал никого, кто был бы его учение. Он быстро собрался в путь, нагрузил трех верблюдов всем необходимым для далекого путешествия, взял десять человек слуг и отправился в соседнее Царство Чубарайгыр, где жил знаменитый хаким Тююзак.

Целых три недели шел караван до границы. Хантыгай и Чубарайгыр много лет воевали между собой, разрушали города, пустошили населенные местности, убивали тысячи людей и тысячи людей уводили в плен. Счастье было изменчиво, а война прекращалась только тогда, когда войска изнемогали, запасы истощались и общая нищета заставляла мириться на время. Ханы уверяли друг друга в дружбе, а сами потихоньку готовились к новой войне, чтобы напасть врасплох. Поэтому, когда караван хакима Бай-Сугды показался на границе, то оберегавшая ее стража сейчас же схватила верблюдов, а самого Бай-Сугды объявила пленником чубарайгырского хана Май-

чака. Пленника представили прямо хану, но когда Майчак узнал, с кем имеет дело и зачем каким Бай-Сугды заехал в его государство, то предложил ему богатые дары и отпустил.

– Твои песни, каким, открывают тебе везде счастливый путь, – сказал хан Майчак, счастливый, что видел знаменитого певца. – Если бы у меня был твой дар, я бросил бы свое ханство. Бог тебя да благословит. На обратном пути не забудь навестить меня.

Отправился каким Бай-Сугды дальше. Ему нужно было проехать опасную Голодную степь, где торговые караваны подвергаются нападению степных разбойников. Так случилось и с ним. На третий день пути караван какого был окружен разбойниками. Они перевязали слуг и принялись развязывать тюки. Каким Бай-Сугды не сопротивлялся, а спокойно смотрел на их работу. Это удивило разбойников.

– Разве тебе не жаль своего добра? – спросили они. – Кто ты такой?..

– Я каким Бай-Сугды из Хантыгая.

– Лебедь Хантыгая?..

У разбойников опустили руки. Они на-

вьючили снова верблюдов, развязали слуг и, не воспользовавшись ничем, отпустили знаменитого певца.

– Мы грабим только купцов и богатых людей, – объяснили они в смущении. – Будет проклят тот человек, который вырвет хоть одно перо из белого крыла лебедя Хантыгая... Твои песни открывают тебе счастливый путь.

Когда караван тронулся в путь, один из разбойников запел:

Алой розой смех твой заперт,
Соловьёиной песни трепет
На груди твоей таится...

Опять та же песня, и опять она огорчила хакима Бай-Сугды до глубины души, напоминая ему о его прошлом безумии, преследовавшем его всюду, как бежит тень за человеком.

«О, это мое проклятие! – думал хаким Бай-Сугды, закрывая глаза. – Моя песня преследует меня черной тенью».

За Голодной степью начинались дикие горы, в которых жил Тююзак. С величайшим трудом достиг караван до глубокой горной до-

лины, где жил славный хаким. Жилищем ему служила пещера, выкопанная в горе. Путешественники нашли отшельника на берегу горного ключа: здесь он предавался созерцанию. Хаким Бай-Сугды подошел к нему и поклонился.

– Хаким Тююзак, я пришел к тебе издалека, чтобы напиться от ключа твоей мудрости...

Тююзак с удивлением посмотрел на пришельца своими столетними глазами и строго проговорил:

– Мудрость не возят на верблюдах... Мудрость не нуждается в пышной одежде. Ты только напрасно потерял свое время...

Два дня провел Бай-Сугды у Тююзака в душевной беседе. Он рассказал отшельнику всю свою жизнь: как он был молодым и бедным байгушом и как прославился на весь Хантыгай даром песен; как осыпал его богатством и почестями Бурун-хан, как он сам возгордился своими песнями, которые распевал весь Хантыгай, и как он в конце концов задумался, зачем он прожил свою жизнь, и как ошибся, принимая за счастье его обманчивую тень. Столетний Тююзак, с пожелтевшими от ста-

рости волосами, выслушал его внимательно и сказал:

– Вся твоя беда в том, Бай-Сугды, что ты свое счастье искал в чем-нибудь внешнем. Ты рад бы был захватить все стада Хантыгая, все золото, все платье, всех красивых женщин. Но ведь ты не поедешь на десяти лошадях разом, не наденешь десять халатов, не съешь и не выпьешь за десятерых. Твое богатство тебя давило, как ярмо... Вот и теперь, зачем тебе эти верблюды, слуги, тюки с имуществом? Не легче ли тебе идти одному и думать только о себе?

– Ты прав, Тююзак, – согласился Бай-Сугды. – Жаль, что я раньше не подумал об этом.

Он разделил свое имущество между слугами и отпустил их домой.

– Бай-Сугды, ты сделал еще не все, – сказал Тююзак, – ступай в ханство Шибэ, там живет мудрейший из хакимов, Урумчи-Олой... Он тебя научит всему.

От ханства Хантыгая до ханства Чубарайгыра хаким Бай-Сугды ехал три недели, от хана Майчака до хакима Тююзака он ехал тоже три недели, а от хакима Тююзака до хакима

Урумчи-Олоя он уже шел пешком целых три месяца. На нем оставалась самая простая одежда из верблюжьей шерсти, какую носили бедные пастухи, а за плечами в тяжелой котомке он нес необходимые припасы для своего пропитания. Дорога была трудная, горами, лесами, с трудными переправами, но Бай-Сугды все шел вперед, счастливый уже тем, что благодаря Тююзаку освободился от лишней тяжести. В самом деле, для чего ему эти верблюды, слуги и тюки, когда одному человеку так немного нужно?

Хаким Урумчи-Олой, старец ста двадцати лет, жил под открытым небом. Он так оброс волосами, что должен был приподнять свои нависшие, тяжелые от старости брови, чтобы взглянуть на гостя. Длинная борода спускалась до колен. Сквозь рубище выглядывало желтое худое тело.

– Бог да благословит мудрейшего из хакимов! – приветствовал его Бай-Сугды, кланяясь до земли.

Он рассказал Урумчи-Олою про себя все, как и Тююзаку, и еще прибавил, что, кроме богатства, его угнетала страстная любовь к

женщинам. Да, Бай-Сугды не мог пропустить ни одного хорошенького личика и лучшие свои песни слагал для обольстительных черных глаз. У него было семь красавиц жен, которых он любил, когда они были молодыми. Что лучше цвета женской молодости, девичьей красоты и покорной ласки темных глаз?.. Теперь он стар, но и сейчас женская красота зажигает в нем молодой огонь страстных желаний. Эта жажда томила его целую жизнь и не получила удовлетворения.

– Что ты ел, Бай-Сугды? – сурово спросил Урумчи-Олой, опуская брови.

– Я ел все, что только мог достать...

– Огонь преступных желаний в нас от пищи... Не ешь мяса, не употребляй пряностей и вина, и он потухнет сам собой. Нужно изнурять свое тело трудом, постом и созерцанием, и только тогда ты приблизишься к истине. Человек, поевший свиньи, сам делается свиньей, а отведавший крови делается кровожадным... Один мужчина не может любить семь женщин, если он будет жить так, как я сказал. Что такое женщина? Это обман... Он проходит вместе с первой ночью. Посмотри

на старую женщину, куда девалась ее красота и то, чему ты слагал свои песни? Но я еще не достиг совершенства, Бай-Сугды... Иди в ханство Катун, там на большой реке спасается великий хаким Эрыгуудзль. От него все узнаешь...

Горько заплакал хаким Бай-Сугды. И Тююзак и Урумчи-Олой сказали ему правду, заглянув на дно его сердца. О, сколько неправды, зла и похотей он носил в себе целую жизнь и разжигал своими песнями в других... Бай-Сугды бросил свою котомку в пропасть, где по ночам выли шакалы, а сам пошел вперед пешком и босой, с одной палкой в руке.

От Урумчи-Олоя до Эрьгуудзля хаким Бай-Сугды шел три года. Сколько опасностей он перенес, сколько труда... Пришлось идти через каменистые горы и страшным лесом. Одежда давно износилась и висела лохмотьями, сквозь которые сквозило пожелтевшее, высохшее тело, а ноги были покрыты глубокими ранами. Но все перетерпел хаким Бай-Сугды, чтобы достигнуть совершенного из людей и услышать от него слово последней мудрости. Питался он дикими плодами, кореньями и травой, как дикий зверь, и успел позабыть, какой вкус у мяса, сладких вин и сладких плодов. Несколько раз он лежал больной в лесу один и со смирением ждал своего смертного часа. Но богу было угодно, чтобы его подвиг наградили успехом. Это было в конце третьего года, когда уже стояла весна и все кругом цвело и ликовало. Хаким Эрьгуудзль жил на берегу громадной реки Чэчэ, и хаким Бай-Сугды заплакал от радости, когда издали увидел ее светлые воды, покоившиеся в зеленых берегах. Место было самое

красивое, какое только можно себе представить.

– Бог да благословит хакима Эрыгуудзля! – сказал хаким Бай-Сугды, приближаясь к шалашу из пальмовых листьев.

Ему навстречу вышел свежий еще старик с красивым лицом, в чистой одежде и с крепким телом. Именно такого старика хаким Бай-Сугды не ожидал встретить.

– Ты устал? Ты хочешь есть? Ты истомился жаждой? Ты нуждаешься в одежде? – спрашивал Эрыгуудзль, ласково улыбаясь. – Вот река Чэчэ, сначала ступай напейся и умойся...

– Я хаким Бай-Сугды, из Хантыгая, – говорил Бай-Сугды в смущении. – Мое прозвище: лебедь Хантыгая...

– Так это ты тот самый Бай-Сугды, который сложил песню:

Алой розой смех твой заперт...

О, я рад тебя видеть, лебедь Хантыгая, и позволь мне омыть твои израненные ноги, одеть тебя в новое платье и поцеловать, как дорогого гостя. Твои чудные песни долетели и до меня, как залетают редкие птицы в далекие страны.

Они пришли к реке, и хаким Бай-Сугды с жадностью припал к светлой прохладной влаге. Эрьгуудзль смотрел на него и улыбался. Когда Бай-Сугды утолил жажду и поднялся на ноги, Эрьгуудзль с удивлением его спросил:

– Что же ты, лебедь Хантыгая? Ведь тебя томила смертная жажда, а ты не выпил даже этой реки.

Бай-Сугды подумал, что хаким шутит, и ответил:

– Все мы, когда томит нас жажда, думаем, что целое море воды не утолит ее.

Хаким Эрьгуудзль ласково засмеялся и указал на дикую козу, которая на берегу реки общипывала молодой куст.

– Как ты думаешь, лебедь Хантыгая, вырастет это дерево, если коза каждый день будет приходить и ощипывать самые свежие листочки? – спросил он.

– Нет, оно засохнет...

Хаким Эрьгуудзль опять засмеялся, а хаким Бай-Сугды задумался.

Так они прожили три дня. Хаким Бай-Сугды успел отдохнуть, освежился и переменял свое рубище на чистую одежду. Он нарочно

ничего не говорил о цели своего путешествия, ожидая первого слова от Эрьгуудзля, а каким делал такой вид, точно давно ожидал Бай-Сугды и рад его видеть, как брата. Только на четвертый день Эрьгуудзль заговорил:

– Лебедь Хантыгая, тебе можно сейчас отправиться домой: ты отдохнул, подкрепил себя пищей и прикрыл тело новой одеждой... Мне не хотелось огорчать тебя, что ты напрасно потерял столько времени и перенес столько трудов и опасностей; тебя привела сюда твоя гордость и желание быть лучше других. Иди домой и пой свои песни... Каждая слеза, осушенная твоей песнью, и каждая улыбка радости, вызванная ею, – такое счастье, о котором не смеют мечтать и ханы. Да, тебя привела сюда твоя гордость, которой ты и сам не замечал... Она помрачила твое светлое око, и мир тебе показался темным. Ты надеялся на свой ум, но это самый лукавый из слуг, который старается подать тебе то, чего ты еще не успел пожелать... Счастье наше в одном дне, а правда жизни в своей совести. Ведь жизнь так проста, каким Бай-Сугды, и ее смысл совсем не в том, что ты будешь есть

или во что будешь одеваться. Голодный и голый человек не сделается справедливее оттого только, что он гол и голоден.

– Все это я понимаю, хаким Эрьгуудзль, и согласен с тобой, – отвечал Бай-Сугды, – но как же спать спокойно, когда вся наша жизнь ничто перед смертью... Никакая добродетель, никакой ум, слава и красота не спасают от уничтожения.

Хаким Эрьгуудзль весело рассмеялся.

– Лебедь Хантыгая, ты боишься того, чего не существует... Смерть – это когда ты думаешь только об одном себе, и ее нет, когда ты думаешь о других. Как это просто, лебедь Хантыгая!.. Созревший плод падает на землю – разве это смерть?..

И просветлела душа Бай-Сугды от этих простых слов, и понял он то, чего не досказал хаким Эрьгуудзль: испугала его своя старческая слабость, затемнившая на время свет сердца...

Через десять лет вернулся лебедь Хантыгая домой, и пронесли по всему ханству его новые песни, как прилетевшие весной птицы: он пел о счастье трудящихся, о счастье доб-

рых и любящих, о счастье простых... Эхом повторяли эти песни и пастухи в степи, и пахарь за плугом, и молодая девушка за прялкой, и старики, согревавшие свое холодевшее тело около огня.